

ЛИНА ХВОЙНАЯ

Петля

Лина Хвойная

Петля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27098505

ISBN 9785448591525

Аннотация

Маленькому мальчику трудно это понять. Они делают так не потому, что не любят тебя. В его кармашке бренчат осколки сердца. Лабиринт судеб – бесконечные перекрёстки.

Содержание

Петля №1	5
1 / ВРМС / 1 / 1	5
1 / мои чувства / 1 / 2	15
1 / подземелье / 1 / 3	18
1 / небо все дальше / 2 / 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Петля

Лина Хвойная

© Лина Хвойная, 2018

ISBN 978-5-4485-9152-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петля №1

1 / ВРМС / 1 / 1

Когда ты грустишь, я хочу развалиться на куски. Весь твой образ пропитан героизмом и силой, кроме сегодняшнего дня. Под куполом, нависшим над моей семьёй, кончается кислород. Я не понимаю, что происходит. По ощущениям мне пытаются выдать взамен моей жизни чужую.

Мне больно оттого, что я больше не смогу жить в полной семье или потому что вы сейчас застыли? Не уверен, что можно определить, что хуже. Весь механизм мой хрустнул и прогнулся под парадоксально перемешивающейся пустотой. Застыли в себе и своей слабости. Вы меня не делите. Это, наверно, эгоистично, но я нуждаюсь в том, чтобы каждый из вас хотел меня забрать к себе.

Я не знаю, почему все именно так. Мне ничего не объяснили.

Тени сползаются с дальних углов и струйками воздуха проникают в меня, свёртываясь в густую темноту. Я стараюсь расслабиться и дать ей безболезненно войти в меня. Она мягко проникает, проходит сквозь поры, затиснувшиеся мысли в карманах, прокрадывается за изрезанные дождём волосы. Обволакивает каждый изгиб, петляет, насыщая мой

внутриорганный мрак. Разум застигает покоем и равнодушием. Я смыкаю веки. Мои лёгкие вытесняют весь воздух, я погружаюсь в свой внутренний Эдем. Он явственен сейчас и близок, как никогда. Я почти растворился на месте, лишь оставив пару складок на кожаном кресле и влажные пятнышки под ладонями. Гудение тишины вокруг. Я начинаю слышать свои внутренние звуки, что ещё больше отделяет от реальности коркой изморози чувств. Резко и остро меня вырывает за шкуру шелест листков. Распахнув глаза, я ожидал, что будет ощущение, что я вновь родился, что грузность исчезнет, и сидеть здесь будет не так трудно, может, наконец, я придумаю что-нибудь. Может, наконец, я решусь: схвачу свидетельство о разводе и втолкаю прямо себе в глотку? Нет. Ничего не стало. Эта адвокатская голова, еле умещающаяся в петле галстука, растущая, как кажется, прямо из плеч, очень медленно читает и эта минута вечна. Не могу больше смотреть по сторонам: все дотошно изучено. Тревога и страх повышают скорость восприятия человека до неузнаваемости. Когда я сел в это кресло, оно было уже изначально теплым и на левом подлокотнике я вижу каплю.

Я смотрю направо.

Дорогая мама, я не понимаю в чём дело. Твое лицо как холодный осколок гранита. А взгляд твой бьёт кнутом. Я не чувствую твоих рук на моём плече. Раньше ведь они всегда тепло обнимали их, где бы ни была ты, и где бы ни был

я. Ты стала совсем чужая. Твои черничные локоны на плечах словно стали выточены из мрамора. Я сразу это заметил. Обычно они трепетались и переливались от света, а сейчас сущая непоколебимость. Искры из глаз совсем пропали. Раньше они выглядели, как лёд, под которым синь живой воды. А теперь я смотрю в них, и мне кажется, я по обратную сторону льда. Когда мы подъезжали к этому офису, ты позволила прочесть мне набросок договора о делении имущества. Да, я знаю, что я сам попросил, но я ведь правда ждал, всем сердцем своим ждал, что ты скажешь: «Гера, зачем тебе на это смотреть?». Это же как пила, которая делит наш дом, все общие праздники, крошится под лезвием каждое лето, проведенное вместе, все открытки и улыбки. Ты же аморфно совершенно поправила файл на документе и протянула мне. Не счесть, сколько кинжалов ты мне воткнула этим в сердце. Наверно каждая строчка кончалась не точкой, а смертным одром. Среди раненых мыслей хотелось тихонечко полежать, но вы вытащили меня из машины, заставили сидеть здесь между вами здесь и сейчас, и помнить, что вы не делите своего единственного сына.

Кресло теплое, потому что отсюда, прямо перед нами вышла женщина. Её треугольное лицо было в охапке волнистых белых волос. На ней было облегающее черное платье, а может темно-аквамариновое, а может, оно было даже красным. Не рассматривал особо. Запомнилось то, что её выходящий

силуэт был так грациозен и твёрд, словно выточен из дерева. Не удивлюсь, если возраст её считают по кольцам. Предположительно, она сидела на этом кресле. Не смотрел на её лицо, но, верно, капли упали с её щек и остались здесь. Я так боюсь коснуться её горя, что сложил руки на коленках, не решаясь положить ладонь поверх капли.

Я смотрю налево.

Дорогой папа, поцелуй маму, чтобы её доспехи из безжизненного пассата раскрошились. Давайте уйдём? Прямо сейчас, встанем, помашем ему рукой, скажем, что всё шутка. Поедем домой, мне не нужно будет даже сладостей для праздника. Завтрашний завтрак будет сказочным и цветущим. Самый холодный и горький чай станет уютным и домашним. Я выпью весь чай в доме, лишь бы сидеть с вами, среди самой светлой кухни, самым добрым утром, в самый прекрасный день. Но ты не сможешь сдвинуться. Ты похож на сонный ветер. Прозрачный и замедленный. Мне кажется, если бы я добыл для тебя кости судьбы и предложил бы бросить, хотя бы, рискнуть поменять всё, то ты бы выронил их из пальцев, даже не попробовав, только потому, что ты уже сдался.

Я не вижу моста, над этой туманною бездной. Среди этих кошмаров, я оглядываю: стол передо мной. Я думаю, это орех. На нём видны переливы структуры древесины. Удиви-

тельные завитки заполняют всю его гладь. Они напоминают мне картинки галактик, в книге, которую папа купил мне в прошлом июле. Я скребу по Галактике Боде, с края стола свисает на ножку пылевая эмиссия Андромеды, в центре Сигары лежит степлер, остальная звёздная даль рассыпана по всему столу и я мысленно пытаюсь увидеть в ней что-то знакомое. Я в силах нарушить обыденный круг этой вселенной. Расколоть царапинкой галактики, скрыть их листом бумаги, в конце концов, закрыть глаза и подумать о том, что их нет. И для меня их не станет.

Бог не играет на удачу, будущее есть последствие. Я буду идти, держась за нить, в обратный путь, найду исток Великого Раскола Моей Семьи.

Мы приехали домой, и я обрушил своё тело на кровать. Я прошёл сквозь неё. Я прошёл сквозь пол, я проваливаюсь через толщу стен, ковров, детей. Квартиры мелькают. Я не приземляюсь, но прохожу сквозь тяжелую весеннюю землю, я срываюсь всё ниже. Моё тело изнутри и снаружи в земле и жуках. А в кого верить? В Бога, который допускает бесчинства на этой земле? Или в Дьявола, который подталкивает на них? Может во что-то более реальное: например в червей. Меня режут осколки взорванных мин, оковы рабов в подземных клетках, гильзы от прервавших жизнь пуль, рукописи, из прервавших слов любви. Достигаю подземного озера и засыпаю на этой мысли. Через мгновение в две про-

пасти разума меня тревожит рука. Я открываю глаза и смотрю на маму.

– Ты ведь сам уже думал, как для тебя будет лучше? – тихо спросила она.

Сначала я ответил презрительным взглядом, но не смог выдерживать и раскололся на боль и отчаяние, выплеснувшиеся из глаз. Прижался к её груди, стискивая в кулаках маминый свитер на спине. Она гладит мои волосы. Это похоже на касание ангела. Я робею от страха перед догадкой, что вскоре мы расстанемся раз и навсегда.

– Ты поедешь к бабушке с дедушкой. Это только на время. Пока всё не устоится, и мы с твоим отцом не решим, кто сможет тебя содержать.

– Я обхожусь так дорого?

– Нет, сокровище, но любви тебе нужно много. Кто-то должен давать её за двоих.

Я не понимал, как она может говорить это.

– Когда вы... разойдетесь, мы ведь часто будем видеться друг с другом? – она опустила глаза, – мама, мы будем видеться часто? – я не мог разобрать, спрашиваю я или говорю утвердительно.

Я не мог понять, это был крик или хриплый шепот. Её

родные руки так крепко прижали меня к себе, что я всё забыл. Стук сердца был как колыбельная.

– Мы поговорим об этом позже, тебе нужно поспать, – склонившись, поцеловала мой лоб и бережно опустила меня на кровать. – Тебя раздеть? – она посмеялась.

– Нет, – я ответил сухо, потому что не хотел, чтобы она общалась со мной, как с ребёнком.

Словно пропорции тела уменьшают боль, которую я чувствую: она всё ещё обволакивает меня полностью. Она опустила голову, и медленно встав, ушла, лишь у двери притормозив и не поворачивая даже ко мне лица.

– Доброй ночи, – пауза, в ожидании моего ответа.

Я так колебался. Мне хотелось вывернуться наизнанку, чтобы показать, насколько сильно я не хочу, чтобы всё было так, как есть сейчас и в то же время, я хотел впитать в себя каждую секундочку, когда мы ещё все вместе. Почему быть просто вместе, является чем-то недоступно-желанным? Я не знал что делать. Я услышал, как щёлкнул замочек моей двери. Момент упущен. Теперь моя мама думает, что я её не люблю. Но на деле, моя любовь слишком велика, что стоит комом в глотке.

Было бы не плохо не быть сейчас вовсе. Я не знаю, тупик ли это? Может, я могу что-то изменить? Если нужно, то

я заплачу при них. При всех, если это хотя бы как-то замедлит или вернет всё. Или остаётся зачерстветь? Стать полезной бесполезной неровностью планеты? Я был недостаточной причиной, чтобы сохранить семью? Вопросы переполняли. В чём причина? Они мне так и не объяснили. Ничего из ничего.

Они ведь ещё рядом. Выбор ещё не сделан, а значит ещё все возможно. Я соскочил с кровати и так быстро оказался у двери, что коснувшись пальцами холодной ручки, подумал, что телепортировался из постели сюда.

Что сказать?

Сейчас или потерпеть до утра? А что, если терпеть нет сил. Что делать, когда руки опускаются именно в тот момент, когда всё рушится. Я быстро моргаю, и сердце избивает меня изнутри. Ладони и щёки пылают. Мысли рассыпаются, пьянеют и падают замертво отравленными птицами на дно подсознания. Мой взгляд невольно сорвался на книжную полку, похожую на замок. Башенки книг. Такие же были в офисе юриста. Там я смотрел на них как на обои, элемент декора, иллюзию знаний. Блеклые, строгие ряды устремлялись от стены до стены. Я сравнивал их с моими и гордился. Каждая книга была для меня на вес золота. Они играют красками. Открыл книгу и пропал в ней, а вернувшись, приобрел ещё один оттенок. А что теперь? Я смотрю на них и проклинаяю. Они совсем закрыли мне глаза. Я что-то пропустил. Я не удержал. Почему там написано как умерли ди-

нозавры, но не написано, как утешить маму? Почему там есть иллюстрированный список сухожилий человека, но нет ответа где место, где бы мы могли быть дальше «Мы»? Зачем мне знать, что вокруг чего крутится во Вселенной, если я не знаю, как мне сохранить семью? Смысл в описании цепочки питания, если я не знаю, как сохранить семью? Смысл в художественной графике, если я не знаю, как сохранить семью? Если смысл хотя бы в чём-нибудь, после того, как самое дорогое добровольно разворачивает и уходит? Если смысл хотя бы в чём-нибудь, если ты такой слабак, что не можешь даже пожелать маме добрых снов? Я хочу отдать всё, но этого мало. Это самое жестокое: мы не будем вместе никогда. Мне не хватает смелости, чтобы быть искренним. Мне так нужна вера. Так ли это невозможно, как убивший, поможет подняться убитому и они обнимутся? Я стою около двери и не знаю что делать. Может секунду назад, стёрся с планеты последний шанс, а я просто стоял и боялся.

Я тихо-тихо лёг на пол и посмотрел сквозь щелку между полом и дверью. Услышал звук, как собачка молнии жадно съедает зубчики и щёлкает в конце. Мне страшно. Это куртка? Ключ проник в замочную скважину и провернулся один раз. Я распахнул дверь и побежал на звук. Второй раз. Мне пекло щеки от эмоций. Три. Я ударяюсь о папу, тот пытается меня притормозить, я путаюсь его в руках, как в сетях рыбешка. Я завопил. Я завопил, когда дверь закрылась и с её обратной стороны стучали каблуки. Я завопил, когда уже бы-

ло слишком поздно.

– Мама!

– Тише, пожалуйста... – его голос дрожал.

– Я не попрощался даже! Я не попрощался даже на эту ночь! Она обижена на меня! Она не знает, что я её люблю!

1 / мои чувства / 1 / 2

ПОЧЕМУ Я ЕЁ УПУСТИЛ ПОЖАЛУЙСТА ВЕРНИСЬ
ПОЖАЛУЙСТА Я ПОБОЯЛСЯ ПРОСТИ ПРОСТИ МЕНЯ
ПОЖАЛУЙСТА ПРОСТИ МАМА ВЕРНИСЬ ПОЧЕМУ
ТЫ УХОДИШЬ ГДЕ В ТЕБЕ СИЛЫ ОСТАВИТЬ МЕНЯ
НЕТ ВЕРНИСЬ Я УМОЛЯЮ ТЕБЯ МАМА ВЕРНИСЬ
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ПОЖАЛУЙСТА Я
ТРУС Я НЕНАВИЖУ СЕБЯ Я НЕ СКАЗАЛ ТЕБЕ ДОБРОЙ
НОЧИ ТОЛЬКО ПОТОМУ ЧТО МНЕ БЫЛО ОБИДНО
Я НЕ ДУМАЛ О ТЕБЕ Я ДУМАЛ О ТЕБЕ НЕДОСТАТОЧНО
НАВЕРНО Я ДУМАЛ О ТЕБЕ ТАК МНОГО ЧТО
МЫСЛИ ВЫЛИЛИСЬ ЗА БОРТА И РАСТЕКЛИСЬ В ТОТ
ВАЖНЫЙ МОМЕНТ И ТЫ ПОДУМАЛА ЧТО Я ПУСТ
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ МАМА ВЕРНИСЬ Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ
Я ПРОСТО СТОЯЛ У ДВЕРИ А ТЫ СОБИРАЛА ВЕЩИ
НА ТВОЕМ ЛИЦЕ НЕ ПРОСКОЛЬЗНУЛО И НАМЕКА
ЧТО СЕЙЧАС ТЫ ИСЧЕЗНЕШЬ РАЗ И НАВСЕГДА
ОСТАВИВ ЛИШЬ ПАМЯТЬ ПАМЯТИ МНЕ МАЛО МНЕ
НУЖНЫ ТВОИ РУКИ Я НУЖДАЮСЬ В ТЕБЕ Я НУЖДАЮСЬ
В ТЕБЕ В ТЕБЕ СЕЙЧАС ЖЕ ВЕРНИСЬ МАМА
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ПОЖАЛУЙСТА ПРОСТИ МЕНЯ
А КАК ЖЕ ПОГОВОРИМ ПОЗЖЕ КОГДА ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ
ПРОЩУ ВЕРНИСЬ ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ ЧТО Я СЕЙЧАС
ПРОШУ ЗАБЕРИ МЕНЯ ЗАБЕРИ ПАПУ ЗАБЕРИ

НАШУ КВАРТИРУ МЫ СОЖГЕМ ЭТИ КНИГИ МЫ СО-
ЖГЕМ ВСЕ ЧТО ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ ПОЗВОЛЬ МНЕ
БЫТЬ С ТОБОЙ ПОЗВОЛЬ ЕЩЕ ПОБЫТЬ НАМ ВМЕ-
СТЕ МАМА ВЕРНИСЬ МАМА МАМА МАМА Я ЛЮБЛЮ
ТЕБЯ ГДЕ ТЫ ПОЧЕМУ ТЕБЯ НЕТ РЯДОМ КОГДА ТЫ
НУЖНА БОЛЬШЕ ВСЕГО МНЕ СТРАШНО Я НЕ СМОГУ
ТАК ЖИТЬ Я НИКОГДА ТЕБЕ НЕ ГОВОРИЛ НАСКОЛЬ-
КО СИЛЬНО Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ Я ГОВОРИЛ ЭТИ ТРИ
ГЛАВНЫЕ СЛОВА ПЕРВЫМ ЛИШЬ ТОЛЬКО НА ПРАЗД-
НИКИ Я ОТВОРАЧИВАЛСЯ ОТ ТВОИХ ПОЦЕЛУЕВ Я
ДУМАЛ ЧТО ВРЕМЕНИ ДЛЯ БЛАГОДАРНОСТИ БУДЕТ
ДОСТАТОЧНО НО ЕГО НЕТ СОВСЕМ МАМА ГДЕ ТЫ
ПРОСТИ ПОЖАЛУЙСТА ЭТО НЕПОДЪЕМНАЯ НОША
ЗНАТЬ ЧТО ТЫ ЕСТЬ НО НЕ СО МНОЙ Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ
СЛЫШИШЬ Я НЕ УБЕРЕГ ТЕБЯ Я НЕ УБЕРЕГ НАС ПО-
ТОМУ ЧТО Я СЛАБЫЙ И ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ МОЖЕТ ТЕ-
БЕ БЫЛО СТЫДНО ЗА МЕНЯ Я ИЗМЕНЮСЬ ВСЕ ИЗМЕ-
НИТСЯ ТОЛЬКО ВЕРНИСЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС ОТКРО-
ЕТСЯ ДВЕРЬ ТЫ ПОДОЙДЕШЬ КО МНЕ ВСТАНЕШЬ
НА КОЛЕНИ И ОБНИМЕШЬ А ПАПА ОБНИМЕТ НАС
ДВОИХ И МИР ВЕСЬ ОСТАНОВИТСЯ РАДИ НАС ПО-
ТОМУ ЧТО НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ ЧЕМ ТО ЧТО ТЕБЯ
НЕТ РЯДОМ НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ ЧЕМ ТО ЧТО ТЫ
САМА ЭТО СДЕЛАЛА ПО СВОЕЙ ВОЛЕ ТЫ ОСТАВИ-
ЛА НАС НО ПОЧЕМУ ПОЧЕМУ ОТВЕТЬ МНЕ ИМЕННО
ТЫ ОТВЕТЬ РАССКАЖИ МНЕ ЭТО КАК СКАЗКУ ПЕ-

РЕД СНОМ В ТЕПЛОЙ ПОСТЕЛИ ГЛАДЯ МНЕ ГОЛОВУ
И КАСАНИЯ ТВОИ БУДУТ ПОДОБНЫ КАСАНИЯМ АН-
ГЕЛА РАССКАЖИ В ЧЕМ ПРИЧИНА И Я СКАЖУ ЧТО
НАША СЕМЬЯ ПРОЧНЕЕ ЧЕМ ЭТИ БУРИ И МЫ ВЫ-
ДЕРЖИМ И ТЫ СОГЛАСИШЬСЯ И ПОЦЕЛУЕШЬ МОЙ
ЛОБ И НИКОГДА НЕ УЙДЕШЬ И НЕ ОСТАВИШЬ МЕ-
НЯ Я ЗНАЛ ЧТО ТАКОЕ БЫВАЕТ НО Я БЫЛ УВЕРЕН
ЧТО ТОЛЬКО НЕ СО МНОЙ Я ВИНЮ В ЭТО КНИЖ-
КИ ПОТОМУ ЧТО МНЕ СТРАШНО ЧТО ВИНОЙ ЭТО-
МУ Я ЭТО ТАК СКАЖИ ЧТО ЭТО ТАК Я ПРИМУ Я СДЕ-
ЛАЮ ВСЕ ТОЛЬКО НЕ УХОДИ МАМА МАМА Я ЛЮБ-
ЛЮ ТЕБЯ ВЕРНИСЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЕРНИСЬ ПОЧЕ-
МУ Я ЕЁ УПУСТИЛ ПОЖАЛУЙСТА ВЕРНИСЬ ПОЖА-
ЛУЙСТА Я ПОБОЯЛСЯ ПРОСТИ ПРОСТИ МЕНЯ ПО-
ЖАЛУЙСТА ПРОСТИ МАМА ВЕРНИСЬ ПОЧЕМУ ТЫ
УХОДИШЬ ГДЕ В ТЕБЕ СИЛЫ ОСТАВИТЬ МЕНЯ НЕТ
ВЕРНИСЬ

1 / подземелье / 1 / 3

Стрелки шли.

В один из этих дней жизнь так и не пробудилась.

Я сказал папе, что хочу отдать все свои книги. Уничтожить их совсем было бы дико. К тому же мне нужно было себя чем-то занять. Он согласился. Предложил отдать в детский дом. А почему бы и нет?

Я сел по-турецки перед своим книжным стеллажом и меня все тревожила мысль, что сейчас, они с горькой обидой обрушатся на меня и раздавят. Я бы не шелохнулся.

Начал с самого низа. Я достаю книжку, где на лицевой стороне обложки выступает рельеф горного ландшафта. Это гора Килиманджаро. Название такое жаркое, а на верхушках шапки снега, это никак не усваивается и устраивает у меня внутри дисгармонию. Эту книгу мне подарила моя тетька на рождество. Её поздравление можно прочесть внутри. Одиноким детям наверно будет больно, от того, что это книга изначально предназначена не им, а мне, и слова внутри книги тоже не им, а мне? Я взял оранжевый карандаш и начал зачеркивать по началу «Дорогой Герман!». Сместился на пожелания: я зачеркнул «благополучия», вот уже исчезло «тепло» и под конец «счастье всегда с тобой». Осталась последняя строчка и я мгновенно заштриховал «Я люблю тебя!». Теперь они ни о чем не знают. Пролистал книжку

и нашел пару бумажных снежинок. Я оставил их там. Уложил книгу в пакет и принялся смотреть дальше. «Великие деятели XX века» были совсем потрепаны, и я отложил подклеить уголки. «Создание радиоприемника» внутри лежала тетрадка с моими разработками в электронике, но они не увенчались успехом, я давно бросил. Книгу в пакет, тетрадку в мусор. Коллекция книг греческой мифологии, на их корешках написано по букве, чтобы составить «ГРЕЦИЯ», у меня же «ГРЕИЯ», но это абсолютно ничего не значит. Настольные книги, с кучей гербария внутри, которого я там и оставил. Огромная энциклопедия с фотографиями космического пространства и журналы лишь с скромными подписями. «Теории Коперника», «Человек и Космос», «Галактики». Все в пакеты. В пакеты книги по изучению игры в шахматы. Фантастику и сказки. Научные журналы. Книги с логическими задачками. Старые учебники я тоже складываю в пакет. Приключения, книги о собаках, описание фокусов, детективы, несколько пьес. Моя душа не умещается даже в три больших пакета. Я иду взять еще.

Папа сказал, что все отвезет сам, но я настоял взять меня с собой. Нас очень дружелюбно встретили. Предложили зайти, я тут же согласился. Я поставил пакеты возле столика, где рисовала девочка. Она вся сжалась, когда я на неё посмотрел.

– Ты боишься меня?

– Нет, я никого не боюсь.

Я достал книжку об эльфах и положил перед ней. Она посмотрела на неё, на меня, на неё.

– У нас есть книги.

– Ты все-таки боишься меня.

– Что? Нет.

– А ты не хочешь еще? – наверно зря я это сказал, ведь она даже не подобрала слов для ответа, – Прости, – я поджал губы.

– Угу.

– От меня ушла мама.

– Я никогда не видела своей мамы.

– Совсем?

– Да.

– Ты не хотела её найти?

– Хотела.

– И? – она опять не ответила, – если в тебе нет стремления, что-то исправить или понять, то не стоит быть надутой на весь мир. Особенно, когда кто-то хочет с тобой познакомиться или как-то тебе помочь! – как же мне трудно вытаскивать из неё по слову.

Я встал и, оставив пакеты подле неё, пошел к выходу. Там меня ждал папа. Он смотрел на меня особенно внимательно.

– Наверно это была плохая идея. Они совсем не знают, что такое терять маму и не смогут понять меня.

– Они не знают, что такое иметь маму. И так достаточно

горестей. Ты хотел, чтобы они пожалели и тебя еще заодно?

– Они винят родителей и жалеют себя...

– Ты тоже ищешь жалости в данный миг.

– ... А я виню себя. Потому что от меня ушла мама со временем. Она пыталась полюбить, но не смогла. Мир дал мне её, а я не смог удержать. Я с любовью думаю о ней, а я не с обидой.

– Послушай, – он присел, чтобы бы наши глаза были на одном уровне.

– Они винят всех, кроме себя, а я нашел силы увидеть причину во мне самом!

– Тише, – он приобнял меня, – мама любит тебя. Дело в нас с ней, а не в тебе. Прости, что тебе приходится все это переживать. Пойдем.

– Идем.

Мы шли по коридорам, папа остановился около одной женщины, которая отдавала ему яблоки, а он отказывался, я спустился по лестнице на землю и посмотрел на небо. Облака плыли по небу. Вот и всех их заботы: рассекать безбрежный простор белыми кроликами, ронять дожди и принимать влагу в себя вновь. Никакой боли, никакого счастья, никаких чувств. В груди бомба стучит. Папа хлопает по плечу и подталкивает к воротам, за которыми машина.

– Стой!

Я обернулся.

– Моя мама – эта девочка бежала и у неё сбито дыхание. Она стояла напротив меня и шумно дышала. Я ждал, что она скажет, будто я ничего не понимаю.

– Моя мама умерла при родах.

– Ты не считаешь наши отношения прочными?

– Что? – я завязывал шнурок, будучи в машине и приходилось складываться вдвое для этого.

– Ты не правдив и не прямолинеен со мной, потому что ты не считаешь безопасным говорить мне свои настоящие мысли?

– Что? – я все прекрасно понял, но испугался, ведь он никогда не говорил со мной так.

– Ты понимаешь меня?

– Нет, пап. Но если ты хочешь поинтересоваться об ужине, то я хочу курицу.

– Герман...

– Что, пап?

– Я не хочу, чтобы ты был травмирован нашими с мамой разборками.

– Она бросила меня.

– Нет, все не так.

– Подберешь более красивое слово, но смысл не изменится.

– Я не знаю, как с тобой говорить. Упертый, как ребенок, но я вижу, что ты более чем сообразителен. Я твой друг,

не только папа. Хорошо?

– Курицу, пап, хочу.

Когда он зашел в мою комнату, я тут же спрятал калькулятор, чтобы он не подумал, что я не могу сосчитать домашнюю работу сам.

– Я приготовил горячие тосты с бананами. Ты не хочешь?

– Можно я съем их здесь?

– Да.

Он мельком улыбнулся и ушел. Я скорее начал досчитывать пример, спешно вжимая уже размякшие от пота пальцы в резиновые кнопочки. Он почти сразу вернулся с двумя тарелками, на которых лежали румяные тосты, кольца сизого пара от них вились в воздухе, цеплялись друг за друга и исчезали в тусклом свете. Аромат наполнил комнату уютом. Я почувствовал, как моё сердце размякло перед забытым покоем и теплом.

– Будешь сок?

Я кивнул. Он вновь ушел. Даже не знаю, идет ли он по правильному пути. Стоит ли ему пытаться заменить маму, или молча заставить меня выработать стойкость в себе. Я благодарен ему, но я опять же не показываю этого. Наверно я опять потеряю момент за своими страхами. Никогда на меня не обрушивался такой шквал вопросов. Тут папа зашел в комнату с бокалом пива и высоким узким стаканчиком вишневого сока с сиреневой трубочкой. Он никогда не встав-

лял трубочки. У нас и дома их не было. Но я любил их, ибо они создавали праздник. Я не смог сдержать улыбку. Калькулятор лежал на коленке, и я чувствовал, что он вот-вот скатится на пол. Я поспешно поблагодарил его, думая, что он уйдет, вместо того, он довольно кивнул и сел позади меня на диван, съедая свой тост с пивом. Как только мое личное пространство расколосось на двоих, я понял, что пространство стало не то чтобы не моим, оно стало, откровенно, его. Я изображал, что думаю над тетрадью, но тем временем медленными движениями стаскивал калькулятор в карман.

– Почему ты захотел зайти в детдом?

– А?

– Зачем ты говорил с той девочкой?

– Думал найти в ней особенного друга.

– А твои школьные друзья?

– Они начали обходить меня стороной.

– Почему?

– Не знаю. Наверно они боятся, что я сейчас ранен уходом мамы и сам не хочу их видеть. Может бояться надавить на чувствительное место у меня. Они не знают, как меня поддерживать.

– Я горжусь тобой, – я не понял его. – В твои годы я даже как-то не анализировал мир вокруг меня и мир во мне.

– Это все книги.

– Ты прав. Зачем ты их отдал?

– Потому что пока я рассматривал мир внутри себя и во-

круг человечества я перестал следить за тем, что находится рядом со мной и не нуждается в изучении, а нуждается просто в том, чтобы я пожелал доброй ночи.

– Ты никак не виноват здесь и книги тоже не виновны. Поверить не могу, что ты понимаешь многие вещи, но не эту, – он разбавил предложение усмешкой.

– Мне нужно знать причину. Я не хочу неизвестности. А так у меня будет повод, и я смогу рассчитать последствия и решения, по изменению результата.

Он, молча, отпил пива. Может я его утомил тем, что сам ничего не понимаю?

– Все убого просто. Я всего лишь очень скучаю по маме. Тяжелая пауза, наполненная хрустом моего тоста.

– Зачем ты говорил с той девочкой? – он опять задал этот вопрос.

– Я без понятия. Может, ждал нового взгляда на всю ситуацию.

– Мне звонили оттуда. Та девочка сказала, что ты забыл в одной книжке открытку на День Рождение. Заберем?

– Да, я бы очень хотел.

– Завтра после работы.

Я устал уже подбирать ответы и замолчал. Продолжая кушать тост и складывая тетради в ящик. Я подумал, что я не хочу больше окунаться в ту жизнь, что связывала меня и маму. Она вокруг меня, значит нужно сменить абсолютно все.

– Можно я поеду с тобой на работу?

– У тебя школа.

– Пожалуйста.

Он согласился, думая, что моя травма неподъемная и нам стоит побыть вместе. Моя идея была глубже.

– Я поеду к бабушке и дедушке?

– Да, я хотел, чтобы ты доучился последний месяц и отвезти тебя.

– Может, отвезешь послезавтра?

– Я подумаю.

Я просил внутри себя память стать бесцветнее, потерять запах, который я часто находил в закоулках квартиры. Я находил наши общие фото. Когда Ты была со мной, я не ощущал тебя чем-то неизменным и вечным, уже, не нуждающимся в выделении, как только ты исчезла, я вижу тебя всюду. Я находил слишком много надежд и слишком много мыслей внутри себя, что они все бесполезны. Это уничтожало меня. Наверно мне нужна была передышка, чтобы потом относиться к прошлому спокойнее, но я не дал себе время. Дыра внутри никак не затягивалась. Мне понадобится вдвое больше времени, чтобы полноценно жить без её светлых глаз, если я буду каждый день утром себе напоминать, что она ушла от меня, но мир не треснул. Мое сердце замрет и мир остановится только тот, что я придумал себе с книжками. Но никак не тот, что вокруг. Я совершенно запутался в ценностях. Мо-

жет быть, потому что одна моя половина высчитывает ценности окружения, а вторая, мои личные? Они разные. Так что же мне делать?

Рою окопы вокруг себя, но меня накрывает мощная волна воспоминаний. До сих пор не могу полноценно все принять. Мне постоянно хочется рыдать во весь голос. Зарываюсь, как могу, но контраст счастья, которое искрилось ранее в моих руках, становится выжигающим лучом, относительно сегодня. Я вырыл кратер в голове и похоронил себя в нем. Ком в моем горле уже таких размеров, что вытеснил мозг. Он постоянно давит, жмет, сердце напряжено, бетонная плита привязана к грудной клетке, ноги набиты ватой.

Нет никакого смысла застегивать последнюю пуговицу на рубашке. И предпоследнюю. И все остальные тоже. Нет смысла её надевать, потому что нет смысла лежать, не двигаясь в постели, будучи одетым.

Где равновесие?

Я закрываю глаза и слышу сердце, которое бьется в унисон шуршаниям Дьявола в розетке.

Будильник воеет ударами. Все люди из бумаги, на нитках нервов скользят по бульварам. Я и забыл, как выглядит центр города в такое раннее время. Я ощущал себя отдаленно от происходящего на улице, когда спокойные и смиренные ритмы в нашей машине наполняли салон необыкновенным умиротворением, а за стеклом мелькали сонные ог-

ни, замерзшие люди и все какое-то жесткое, сухое, отчаянно не любящее утро. Хотя, что может быть лучше утра? Шанс все исправить. Решения еще не приняты, а значит все возможно. В прошлый раз не сработало, но я даю возможность Жизни. Быть может, она потом даст мне ее в ответ, когда-нибудь потом. Я роюсь в себе, но не нахожу дна, где будут ответы. У меня нет опоры, чтобы встать и осмотреться, да и понять, что вообще нужно делать. Солнце огненным диском распиливало нить пробки на горизонте. «Доброе утро» сегодня не правда. Последняя крошкой удовольствия мне оставались разговоры с папой и мысль, что скоро все будет не так, как было все прошлые года. Рой красных ос на перекресте, желтых, зеленых и мы все ближе и ближе к высокому фактурному белому зданию, где он работает на четвертом этаже. Хотя бы чисто теоретически, я буду еще чувствовать себя сильным и уверенным? Наощупь крадусь в чаше офисов.

Мы подходим к лифту. Я держу в руках рюкзак. Папа смотрит на меня. Двери расступаются перед нами и, мы заходим. После толчка где-то снизу, мы поднимаемся наверх. Я этого не чувствую, но я это знаю. Все абсолютно противоположно тому, как я принимаю решения сейчас. И еще неизвестно верны ли они. Лифт же не ошибается. Наверно нужно стараться все делать по закоренелым устоям, чтобы все винтики и звездочки в механизме мира работали исправно. Прочем, если делать, все, как и раньше, то новых результатов не будет и, дикая тоска по маме не угаснет.

Я опять не пришел с собой к единому решению.

Здоров или огребаю сумасшествием по полной? Нужно подчеркнуть верное, либо не проводить черту разделения вовсе.

Его кабинет находился в конце коридора, и он был разбит на две комнаты, отделенных тонкой стеной с тяжелой дверью. В одной из них сидела его секретарь – близкая подруга нашей семьи. Она даже попала на эту работу, благодаря маме. Они учились вместе, вроде как. Агата хранила для меня мятные пряники в столе и всегда угощала ими, когда я приходил. У неё очень короткая стрижка и задорные глаза. Она была похожа на сентябрь, а мама на август. Не удивительно, что они плечом к плечу, сколько я помню. Сегодня она прячет глаза за худыми запястьями, обвитыми тонкими золотыми цепочками. Я еще подумал, что она спит, но увидел, как ударилась крупная слеза о лист бумаги под её головой. Она сжалась. Я решил, что она тоже чувствует, что все теперь не как прежде. Ждал, что отец сейчас сухо, но все же по-своему тепло её поддержит. Он подошел к ней и что-то сказал.

– Я уйду сама, – она поспешила ответить.

Я стоял столбом и смотрел на неё, забыв все правила приличия. В её больших зеленых глазах дрожало отражение ламп. Я боялся видеть её слезы. Мысль пронзила меня, ударив молнией в макушку и закончив узлом на шнурках. Кажется, даже пробила пару нижних этажей. Если никто не был до меня счастливым, наверно и я на это права не имею. Я

понимаю, нужно быть сильным, стойким, а так хочется быть одним граммом сахарной пудры. Обуза или опора, теперь уже необходимо подчеркнуть верное.

Почему она вообще плачет?

Он сидел за столом и щелкал клавиатурой. Я сидел рядом с ним. Мы говорили обо всем, лишь стараясь избегать самую главную тему, так что можно сказать, что для меня, мы просто гоняли дыханием микробов по кабинету. Опять про детдом. Говорили про еду, про лето, про дедушку и бабушку:

– Они сейчас живут за городом.

– Там где большие красные цветы?

– Маки.

– Никогда таких не видел полей.

– Эти цветы имеют некоторые особенности, из-за которых их не выращивают свободно.

– Словно если я склонюсь сорвать цветок, он откусит мне голову.

Он тихо рассмеялся, но совсем не искренне, потому что почти не слушал меня.

– Я хочу общаться с той девочкой из детского дома.

– Я не считаю эту идею хорошей.

– Это ничего не меняет.

Подушечка для иголок бьется во мне. Я ищу ответы, но нахожу вопросы.

Едем за моей открыткой. Вернее, мы оба знаем, что едем не за ней. Подъехав, я увидел, что много детей гуляют во дворе при здании. Начал глазами искать её. Папа подошел сзади. Ровный и спокойный голос папы за спиной:

– Нет?

– Ну, я не нашел.

– Спросим.

Я шел, и сиротливая свежая трава узлами путалась под ногами. Земля и так почти голая, а я делаю только хуже. В голове раскладываю все на простые основы и думаю, что ей сказать. Сталкиваюсь с тем, что мое понятие мира и так разложено на атомы и никак не усложнено. Я не представляю себя в будущем, может потому, что его нет? Мне кажется, ничего нового не придет, а лишь станет запутанней, как последняя неделя.

Я нашел её за тем же столом. Она сидела и притворялась что рисует. Она притворялась, потому что на рисунке перед ней было 4 цвета, а у неё было лишь три карандаша и тот, что в руке, был идеально заточен. Нет, можно предположить пару идей, как так сложилось, и она действительно рисовала, не ожидая меня, но, я думаю, она последний час очень ждала меня, как и я её.

– Я подумала, что тебе будет важно забрать открытку. Это ведь память.

– Я отдал книги, чтобы избавиться от памяти.

Она пододвинула книгу мне. Я открываю её и не вижу открытки.

– Кажется, она могла и не быть в этой книге. Я могла ошибиться.

– Как она выглядела?

– Я не помню, – уголки её губ приподнялись и вжались ямочками в щеки. – Пойдем, посмотрим в других.

Я все понял и на мгновение перестал чувствовать разочарование.

***

– Пап, я передумал на счет поездки к бабушке и дедушке послезавтра.

– А что такое? – он улыбнулся, видно, понимает все на пятнадцать шагов наперед меня.

– Я хочу ходить сюда после школы.

Он кивнул и включил щелкающий поворотник, в котором я впервые услышал трескучих весенних птиц.

Тоска, жалость, память – моя незыблемая троица.

1 / небо все дальше / 2 / 4

Я хотел бы объяснения, что это за прихоть такая, отобрать у меня маму. Я хочу свернуться комком, сжаться, обхватив себя руками, и броситься в самое жерло Вселенной. Либо я сломаю весь механизм, либо меня порубит.

Её пальцы нырнули в шерстяной карман и достали свёрток бумаги. Она посмотрела на меня, перед тем как его раскрыть

– Я грустная, потому что я ем тушенку.

– Чего?

Я не смог не улыбнуться.

– На внутреннее покрытие консервных банок наносят вещество Бисфенол-А. Его связывают с депрессиями у молодых девушек.

– Стефа, ты как всегда? – я рассмеялся.

– Винил, из которого состоят чудесные пластинки, содержит в себе фталаты. Они приводят к гормональным расстройствам.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мы слушаем сказки на пластинках каждую вторую и четвертую среду.

Я ходил к Стефании каждый день. Вставал с мыслью, что

судьба дарит немного льда на ушиб. Мне нравилось с ней общаться, потому что в этом я находил покой. Я отвлекался. Мы могли сидеть на скамейке часами, но это было высшим развлечением для меня. Не мороженое меня лечило, а то, как я давал второй стаканчик ей и, счастье разливалось на её лице. Она была как из хрусталя. Вся сияла на солнце, а внутри были закристаллизованы причудливые пузырьки, которые фантастически мерцали. Все минуты, что мы делил на двоих, были именно на грани «почти реально». Её голос был словно звон ключей от тайн. Она рассказывала мне много не просто интересного, о чем я даже никогда не задумывался. Это была совершенная иная призма для взгляда на жизнь. Я чувствовал, как все осколки мира мы сбросили в наш с ней общий калейдоскоп и мы можем разом охватить все на свете, заглянув в его трубу. В ней я больше видел, чем через окно или даже если бы я стоял посреди центральной улицы города и крутился вокруг своей оси.

Я бы не сказал, что она получает хорошее образование или у неё была волшебным образом хорошая компания в детском доме. Нет. Наверно дело в том, что она как раз и не состояла ни в какой компании. Из этого она выудила вовсе не одиночество, а свободу. Ловила больше шансов от уединения, чтобы совершенствоваться. Из-за того, что она маленькая и её пепельные волосы и так, как посидевшие она, может, выглядела жалко для одноклассников. Это была её маскировочная накидка. При мне же они сверкали, как

серебро. Она часто приносила мне что-то посмотреть. При детдоме была библиотека и она говорила, что это «исключительно благоприятное обстоятельство». Для неё такие слова звучали слишком сложно и забавно. Она постоянно читала то, что нужно и то, что совершенно рано для неё. Я рассказал ей, что книги могут затмить нечто намного более важное. Но она нашла слова, которые как всегда ловко обошли меня и я потерялся и может даже немного испугался, но принял.

Когда я провожал её, я знал, что папа за мной заедет. Как-то раз я попросил её меня не ждать, потому что это грустно.

– Как же ты еще не понял, я так долго никого не ждала. Это гораздо грустнее.

– Герман, не хочешь завтра посидеть со мной на работе после школы. Я закажу что-нибудь нам поесть.

– Нет, пап, мне нужно к Стефе. Отличная погода.

– Боюсь... – он поджал губы, обходя мои глаза стороной.

Он стал бояться говорить прямо еще больше, чем я боялся говорить так раньше

– Тебе стоит сделать перерыв в общении с ней. Это не дело, сынок. Вы слишком разные и я не хотел бы, чтобы ты общался с детьми, у которого нет должного воспитания.

– Она воспитала себя сама и получше, чем любая моя одноклассница.

– Тебе кажется, Гер. Тебе сейчас трудно. Возможно, тебе кажется, что ты упал, но не нужно искать опору в непонят-

НО КОМ.

– Пап, я пойду к Стефании.

– Нет.

– Папа!

– Разговор окончен. Ты перестал меня слушать. Я хотел быть сейчас помягче с тобой, но как вижу, все зря.

Он просто вышел из моей комнаты. Взрослым удобно: нет хорошо аргумента, зато есть громко хлопающая дверь. Саб-ли слов на побоище будней. На кухне опять забренчали стопки и бутылки. Меня пугает эта вечерняя традиция, заменившая ему, верно, объятия с мамой.

Следующий день перед школой стояла его машина. Мое сердце так сжалось, от мысли, что я сейчас возьму и пройду мимо! Сбегу от него и меня примут в приют. Но я не смог. Я сел в машину, молча, пристегнулся и сглатывал комок, мечтал о прощении Стефы. Только бы она не решила, что я просто взял и исчезнул из её жизни. Нет. Ни за что. Всего один день. Прости меня.

Белое здание. Коридоры, лестницы, ступеньки, схемы запасных выходов, окна. Острия света разрезали через жалюзи людей, столы, цветы, стены и нас. Мы заходим. Я ищу глазами Агату, надеясь, что в этот раз, она не на грани слез.

– Где Агата?

– Замолкни.

Вжал губы, что было сил друг в друга.

Я обошел её рабочее место, ведь я никогда прежде не ви-

дел его с другого стороны. Запоминал каждую мелочь, чтобы рассказать об этом Стефе. Папа уже зашел к себе, и я видел его через стеклянные прорези в двери. Я услышал шорох около входной двери и оглянулся.

– Агата?

– Тише, милый, подойди ко мне.

– Ты теперь здесь не работаешь? Почему? Может, я поговорю с папой и, ты вернешься.

– Пожалуйста, Гера, подойди ко мне, солнышко.

Она была похожая на одурманенную или погруженную в транс. Я не видела, чтобы она хотя бы раз моргнула. Руки тянулись ко мне. Она медленно подходила, словно я бабочка, а в руках её невидимый сачок.

– Агата?

– Послушай! – она в секунду приблизилась ко мне, обнимая своими ладонями мои, – пошли со мной. Хочешь к маме? Ты, я и мама? Хочешь?

– Чего?

– Герман, сосредоточься. Ты должен сделать выбор. Быть с нами или с ним. Пожалуйста. Я очень хочу, чтобы ты решил.

– Чего?

И тут все небо раскололась на до и до. На момент до того, что я увидел сейчас и на момент, того, что был до развода.

Я увидел маму в дверном проеме. Ее вечный ясный взор с высоты спускался на меня водопадом. Она обрезала свои

густые черничные волосы. На лице была улыбка, и щеки были все в яблочном румянце и слезах. Она сжимала пальцами подол своего ярко-оранжевого платья. Я видел, как она губами зовет меня.

– Мама!

Я почувствовал, как мощные крылья за моей спиной оттолкнулись и понесли меня к ней. Вместо папиных рук-сестей, к моему рту прижалась ладонь Агаты, чуть не царапая лицо ногтями.

– Сумасшедший мальчишка! Не кричи!

Папа в кабинете услышал и тут же выбежал, с такой скоростью, что его галстук подлетел и лег на плечо. Он увидел маму в дверях. Агату, стоявшую на коленях и прижавшую ладонь к моему рту. И да, конечно же меня, с глазами, как два глобуса.

– Убирайтесь обе! Пошли вон! Не трогайте моего сына! – он подхватил под руку Агату и рывком поднял, буквально швыряя к двери, в которой мама скорее схватила её за руку и прижала к себе. Из её глаз лились ручьи. Агата тянула ко мне руку всеми силами. Она тихо, но среди всего этого кавардака невообразимо спокойно повторяла моя имя без усталости. Агата обладала чудотворной эмпатией и маятник времени притормаживал.

– Герман, уходим.

Я хотел просто смотреть на маму.

– Герман.

И я смотрел.

– Умоляю тебя. Идем.

Мама немного отступила назад. Она поела меня своими большими светлыми глазами, обрамленными рощей ресниц. Она шептала, и я читал по губам: «Я люблю тебя люблю тебя». Папа дергал меня за руку, ноги путались, и я не могу, не рухнув, пройти до двери. Он был в ярости.

– Ты убила нашу семью! Ты сдохнешь от голода, я обещаю, чтобы ты не нашла не единую работу в городе! Я буду мстить тебе. Увижу еще раз вблизи парня, то убегай и молись, – он угрожал Агате, не маме. Это ставило меня в тупик. Она все еще тянула ко мне руку, а я все смотрел на маму. Я провалился и оказался где-то под водой в этот момент. Я думал, что не смогу уместить это все в словах для Стефы. Дрожащие губы мамы, что-то сказали Агате. Они развернулись и ушли, крепко держась за руки. Я смотрел им вслед. Папа бросил на меня грубый взгляд. Я видел его боковым зрением, но решил не отвечать, ибо не думал, что во мне сейчас хватит твердости это сделать.

Мама и Агата?

Я сейчас решил опустить в себе этот момент.

Вполне достаточно чего-то крайне неясного и кроме этого безумства.

Каждую секунду я что-то упускаю. Я надеюсь, что смогу к этому вернуться. Как-то запечатлеть и уловить всю суть.

Но все так и уходит с летним ветром.

Деревья и облака скрывают свое безразличие и отворачиваются. Мрачные желания. Я сижу и беспечно с виду болтаю ногами, хотя и вытягиваю из себя на это последние силы. Я словно махаю мечом, пока не рухну замертво. Пытаюсь быть обычным и радужным, болтающим ногами. У Стефы такие синие вены, будто по сетке сосудов текут синие чернила. Моторчик в груди барахлит, и если бы я мог остановить момент, то это был бы он. Познаю ли я большей пустоты и обреченности.

– Я хожу в церковь каждое воскресенье. Плачу за прощение свечками. Бог есть. Он беспощаден. Он изучает меня как глупое насекомое. Я тихо сижу в своей коробке, пока кого-то душат в подворотне.

Пауза до моего ответа была дольше чем обычно, но я хотел излагать мысли короче и яснее.

– Я не на стороне ни Добра, ни Зла. Весь страх и ужас заложен глубже во Вселенной, нежели иллюзорные друзья. Церковь и Бог, только оправдания и некоторые грани. Нам ведь нужны грани.

– Зачем?

– Может за тем, чтобы, когда другие люди совершают вещи, для нас неприемлемые, мы могли сказать «Так нельзя!». Нам ведь хочется.

Стефа пожала плечами. По её взгляду было ясно, что она

скептически отнеслась к моему ответу и что у неё найдется еще десять убедительнее.

– Иногда мне стыдно, что я имела наглость быть зачатой. С таким бескультурным прошлым я не смогу даже достойно выполнять базовые функции.

– Меня достала это тема. Правда перебор. Не стоит об этом думать. Не только у тебя прошлое подкачало. Еще много впереди времени.

– Всегда меньше, чем ты думаешь.

– Чего?

– Времени.

– Верю, что небо не обрушится на меня завтра, да и на дороге я осмотрителен. А ты? Ты ведь не будешь дурить?

– Убивать себя?

– Ну... – не только это входило в мою фразу, но проще было кивнуть ей, – поэтому мы будем еще жить и жить долго. Если будешь так угнетенно все воспринимать.

– Это не так! У меня прозрачный взгляд!

– Хорошо, тогда все мысли с осадком.

– Осадком? Они такую фильтрацию проходят, что это раствор со слабой концентрацией моих истинных мыслей.

– Чего?

– Я не договариваю еще много.

Я всплеснул руками, хмурясь.

– Но выдаешь ты вечно одну грусть!

– Обстоятельства, – она пожалала своими маленькими пле-

чами.

– Говори больше. Начни прямо сейчас. А то твой мозг будет раздутый и воспаленный.

– Каждый из нас имеет в себе как минимум три человека. Я скручиваю в руках зеленый листок в трубочку и с хрустом сжимаю в пальцах. В нем пустая раковинка улитки.

– Разве?

– Продавец телефонов, поэт, сатанист.

– Что угодно сделаю, кем угодно буду, но не закончу существование продавцом телефонов – я тускло рассмеялся. – Продолжай.

– На планете непрерывная война. И дело тут не о военных действиях в странах или между странами. Существование человека и есть борьба насмерть. И поле схватки никак не небо и не земля, а ты.

– Не умещай вечные вопросы с три предложения. Это жестоко.

Она проигнорировала мою просьбу и завершающе выдохнула.

– Путь весь состоит из сочетание выбора и времени. Наша свобода в первом, наши кандалы во втором. Я могла бы хотя бы попробовать избежать тех концовок. Жизни спутываются, завязываются узлами между собой и самое ужасное и прекрасное, что окончимся мы поодиночке.

– Опять Бог?

– Может быть и судьба.

– Я верю в себя, ты в кого хочешь верь.

– Я тоже в тебя верю.

Стефа слабо улыбнулась, скребя пальцами по скамейке.

– Ты явно не читала те книжки, которые я принес. Ты бы лучше понимала меня. Особенно после некоторых авторов.

– В нашей комнате оставили только сказки и фантастку. Все остальное отнесли в сектор для старших. Я не успела запомнить и пары названий, чтобы найти в библиотеке.

– Ничего. Там кажется, что мир жив и ему не все равно на тебя.

– Мы вообще будем когда-нибудь счастливы или только боль, агрессия и отчаяние по твоей теории? Ты все ставишь под слишком резкий свет обреченности.

– Ты устала ненавидеть?

– Я ничего не ненавижу.

– Тогда как ты можешь что-то любить?

После каждого разговора мир не становился прежним. Я и мог себя узнать лишь по привычной жалости к совершившемуся.

Дни настигались друг на друга прозрачными холстами, а важные вещи были влажными черными пятнами. И все проходило насквозь, и тоска по маме не утихала. И я не переставал все высчитывать и запоминать для Стефании. А папа искал покой на дне своих бутылок с пивом по вечерам. По понедельникам он прибавлял еще больше алкоголя в свои

прошлые рамки. Во вторник не допивал с вечера свою базовую порцию и начинал её с утра в среду, продолжая на работе. В четверг обычно его состояние становилось хуже и он сидел со мной, совсем сухой, лишь попивая жасминовый чай. В пятницу он исчезал сразу после того, как забирал меня от Стефании и вернувшись в субботу, выглядел, как засохший баклажан на копытах африканского слона. Болел до вечера воскресения и по новому кругу. По понедельникам он прибавлял еще алкоголя в свои прошлые рамки. Во вторник не допивал с вечера свою базовую порцию и начинал её с утра в среду, продолжая на работе. В четверг обычно его состояние становилось хуже и он сидел со мной, совсем сухой, лишь попивая жасминовый чай. В пятницу он исчезал сразу после того, как забирал меня от Стефании и вернувшись в субботу, выглядел, как засохший баклажан на копытах африканского слона. Болел до вечера воскресения и по новому кругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.